

“VĂN BẢN PHÚC ÂM” TRONG TIỂU THUYẾT “TỘI ÁC VÀ HÌNH PHẠT” QUA CÁC BẢN DỊCH

Ermilova G.G.^{}, Nguyễn Thị Hoàn^{**}*

Bài báo nghiên cứu “văn bản Phúc âm” trong tiểu thuyết “Tội ác và hình phạt” qua các bản dịch sang tiếng Việt. “Văn bản Phúc âm” được đề cập đến là các trích dẫn trong Tân ước, lần đầu tiên được sử dụng rộng rãi trong sáng tác của Dostoevsky nói riêng và trong văn học Nga của thế kỷ 19 nói chung. Đối tượng nghiên cứu của bài báo là đoạn độc thoại của Marmeladov “say xỉn” trong quán rượu (phần 1, chương 2) và cảnh đọc kinh phúc âm về sự hồi sinh của Lazarus (phần 4, chương 4). Trên cơ sở trích dẫn liên tiếp những ví dụ, chúng tôi tiến hành đối chiếu ba bản dịch của ba dịch giả khác nhau với nguyên tác, đồng thời đưa ra những phân tích, đánh giá về việc chuyển dịch “văn bản Phúc âm” trong tiểu thuyết “Tội ác và hình phạt” sang tiếng Việt. Từ đó bài báo rút ra những kết luận về đóng góp của các dịch giả cũng như khó khăn mà họ gặp phải trong khi dịch “văn bản Phúc âm” trong tiểu thuyết “Tội ác và hình phạt” sang tiếng Việt.

Từ khoá: Văn bản Phúc âm, Dostoevsky, “Tội ác và hình phạt”, giao thoa văn hoá, Chính thống giáo, tương đương, dịch, khó khăn.

The article studies the "Gospel text" in the novel "Crime and punishment" and its Vietnamese translations. The "Gospel text" mentioned consists of quotes from the New Testament first widely used in Dostoevsky's works in particular and in the Russian literature of the 19th century in general. The research subjects include the monologue of "drunk" Marmeladov in the pub (part 1, chapter 2) and the scene of the gospel recitation of Lazarus' resurrection (part 4, chapter 4). On the basis of cited examples, we compare three translations by three different translators with the original text, and provide an analysis and evaluation of the translation of the "Gospel text" in the novel "Crime and punishment" into Vietnamese. Thence, the article draws conclusions about the contributions of translators as well as the difficulties they encounter in translating the "Gospel text" in the novel "Crime and punishment" into Vietnamese.

Keywords: Gospel text, Dostoevsky, "Crime and punishment", cultural interference, Orthodox, equivalent, translation, difficulties.

«ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

«"Евангельский текст"» — научная метафора. Она включает в себя не

только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и псалтырь, и книгу Иова — словом, все то, что сопутствовало Евангелию в повседневной и праздничной церковной жизни» [Захаров: 7].

^{*&***} **GS.TSKH & ThS Trường Đại học Tổng
hợp Quốc gia Ivanovo, LB Nga**

Email: ermilova-galina@mail.ru,
nguyenthihoan19111989@gmail.com

Применительно к роману «Преступление и наказание» и нашим задачам мы ограничиваем это понятие, сосредотачивая внимание на новозаветных цитатах; приоритетным для нас стало четвероевангелие, прежде всего, Евангелие от Иоанна, особенно почитаемое Достоевским [Ермилова: 77-78], и Апокалипсис, предположительно того же автора. Мы работали непосредственно с цитатами из канонического текста; нам было важно изучить бытования евангельской цитаты в романе, и мы учитывали принципиальную разницу между авторским словом и евангельским. Важнейшие для романа темы падения, преображения и воскресения входят с евангельским словом, представляя о Евангелии в целом.

Хорошо известно благоговейное отношение Достоевского к Евангелию, сопутствующему ему всю жизнь. В 1850 г. в Тобольске в остроге пересыльной тюрьмы жены декабристов подарили ему «вечную книгу»: «Четыре года пролежала она под моей подушкой на каторге. Я читал ее иногда и читал другим» [Достоевский, 21: 12]. А.Г. Достоевская позднее вспоминала: «Впоследствии она всегда лежала у мужа на виду на его письменном столе, и он часто, задумав или сомневаясь в чем-либо, открывал наудачу это Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего)»

[Достоевская: 396]. Это был перевод Евангелия на русский язык, выполненный Российским Библейским обществом в 1823 г. Наряду с этим изданием Достоевский пользовался и переводом Нового Завета 1863г. Знал он и так называемую «елизаветинскую Библию» 1751 г., о чем свидетельствуют новозаветные церковнославянизмы в тексте «Преступления и наказания».

Сложнее дело обстоит с переводами Библии на вьетнамский язык. Нам известны десять переводов, большинство из них выполнены англоязычными протестантскими священниками или католическими франкоговорящими пастырями. Вьетнамские переводчики романа «Преступление и наказание» использовали вьетнамскую Библию Британского и зарубежного Библейского Общества, сделанную с иврита и греческого языков иностранными авторитетными библеистами супругами Уильям К. Кадман и Грейс Хазенберг Кадман с помощью вьетнамского писателя Фан Хой. «Вьетнамская» Библия вышла в свет в Шанхае в 1926 г. Она получила широкое распространение и прочно обосновалась в сердцах многих христиан во Вьетнаме в течение прошедшего столетия. В богослужебной практике православных храмов Вьетнама используется этот перевод. Выбор переводчиками

«шанхайской» Библии мы считаем оправданным.

Сегодня не вызывает сомнений то, что Библия повлияла на формирование религиозно-философских и эстетических взглядов Достоевского. В этом убеждают как публицистические работы, так и художественные тексты писателя, который с неизменным постоянством осваивал пласт духовной библейской культуры. Образы, цитаты (прямые или скрытые) из Священного Писания передают главные онтологические идеи, которые лежат в основе его произведений, «Преступления и наказания» в том числе.

«Преступление и наказание» — первое произведение, в котором Достоевский «перевел» относительно длинные цитаты из Священного Писания на современный ему русский язык. Роман богат «евангельскими текстами», введенными в него как тексты в тексте, такими, как монолог Мармеладова (ч.1, гл.2), евангельская притча о воскресшем Лазаре (ч.4, гл.4), апокалиптическая греза Раскольникова в эпилоге романа. Это, несомненно, ключевые сцены романа, а эпизод с чтением Соней отрывка из Евангелия от Иоанна о Лазаре [Иоанн, 11: 2-46] — кульминация. Без понимания глубинного смысла этих сцен невозможно адекватное восприятие романа. Важность этих эпизодов подтверждается, в частности, тем, что

Достоевский неоднократно останавливал свое внимание на них в черновых редакциях романа. Так, встреча Раскольникова с «пьяненьким» Мармеладовым в трактире зафиксирована в 2-х редакциях романа [Достоевский, 7: 84-85, 99-114], практически без изменений вторая редакция перешла в окончательный текст. Евангельское чудо о воскресении умершего человека возникает уже в ПМ-1. Здесь Раскольников вспоминает чтение матерью ему в детстве Евангелия: «Отчего, когда мать читала Евангелие: Талифа куми» [Достоевский, 7: 91]. Это возглас Христа к умершей девочке, отца начальника синагоги по имени Иаир: «девица, говорю тебе, встань» [Марк, 5: 41]. Также и тема воскресшего Лазаря появляется уже в черновиках, правда она здесь связана, прежде всего, с судьбой Сони Мармеладовой: «Ну, поцелуйте Евангелие, ну, поцелуйте, ну, прочтите! (Лазарь, гряди вон!)<> «Я сама была Лазарь умерший, и Христос воскресил меня» [Достоевский, 7: 192]. Впервые же эта цитата вошла в «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863). Е.Г. Новикова называет ее «"черновым" дискурсом будущей сцены чтения притчи о воскресении Лазаря в "Преступлении и наказании"» [Новикова: 79].

Остановимся на первой «евангельской» сцене. В монологе Мармеладова находим следующие

отсылки к Новому Завету: 1) «ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно» [Матфей, 10: 26-27]. 2) «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им *Пилат*: се, Человек!» [Иоанн, 19: 5]. 3) «да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [Матфей, 5: 45]. 4) «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» [Матфей, 7: 22-23]. 5) «да придет Царствие Твое» [Матфей, 6: 10]. 6) «А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит» [Лука, 7: 47]. 7) Из Откровения Иоанна Богослова: образ апокалиптического зверя (13, 15-16).

Монолог «пьяненького» Мармеладова, таким образом, пронизан евангельскими цитатами и евангельскими смыслами. Речь идет о прощении и милосердии, о начале и конце человеческой истории, об искупительной жертве Христа — истинном условии обновления человека и его воскресения.

Проделанный нами анализ позволяет утверждать, что в целом объем «евангельских текстов» передан полностью. Мы не обнаружили произвольных сокращений. Однако отдельные «шероховатости» нами замечены. Например. Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь, переводившие этот роман на вьетнамский с языка-посредника, не выделили словосочетание «Се человек», которое приписывают римскому наместнику в Иудее Понтию Пилату. «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» [Иоанна, 19: 5]. Таким образом, идея страдательного искупления Богочеловеком грехопадения «падших» «обескровливается».

«Апокалиптический образ зверя и печати его» в Откровении Иоанна Богослова символически изображается в виде семиглавого и десятирогого зверя, посланного драконом (сатаной). Переводчики с трудом справляются с передачей апокалиптической символики на вьетнамский язык. Так, Ли Куок Шинь переводит: «các người có dáng loài súc vật và các người mang dấu tích của súc vật» (вы имеете вид скота, неся его след); Чыонг Динь Кы: «Các nhà người mang mặt-nạ và phóng ấn của Thú» (вы носите маску и печать зверя); Као Суан Хао: «Bay là hình tượng của thú vật và mang trên mình dấu ấn của thú vật» (ты — образ зверя, несущий на себе его печать). По

нашему мнению, в переводе вместо данных слов разумнее было бы использовать сочетание «ác quỷ/ quỷ sa tăng» (образа звериного и печати его/ сатана).

«Господи, да придет Царствие Твое!» — Мармеладов закончил свою исповедь словами из молитвы Господней «Отче наш» [Матфей, 6: 10; Лука, 11: 2]. Ли Куок Шинь «Царствие Твое» перевел как «trịều đại của Ngài» (династия Твоя), обозначающее время правления одного короля или одной королевской семьи. Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао использовали сочетание «sự/ ngày Trị vì của Ngài/ Người» (царствование Твое). Но было бы корректнее сослаться на Библию 1926 г., где встречаем перевод «Nước Trời/ Nước Cha» (Царствие Твое/ Царствие Божие).

Обратимся к ключевому «евангельскому тексту» — сцене чтения притчи о воскресении Лазаря из Евангелия от Иоанна — в оригинале и в переводе. « - Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня. Она искоса глянула на него. — Не там смотрите... в четвертом Евангелии... — сурово прошептала она, не подвигаясь к нему. — Найди и прочти мне, — сказал он, сел, облокотился на стол, подпёр рукой голову и угрюмо уставился в сторону, приготовившись слушать. “Недели через три на седьмую версту, милости просим! Я, кажется, сам там буду, если еще хуже не будет”, — бормотал он про себя» [Достоевский, 6: 249].

«Верста» — старая русская мера длины, равная 1,06 километра, применялась до введения метрической системы мер в России в 1918 г. «На седьмой версте» от Петербурга находилась известная психиатрическая больница №-3 им И.И. Скворцова-Степанова. В переводе Чыонг Динь Кы «на седьмую версту» переводится «vết “thứ bảy”». Слово «vết» во вьетнамском языке не имеет значения, обозначающего расстояние. В переводе Ли Куок Шинь вместо словосочетания «на седьмую версту» используется «на седьмом километре». Очевидно, что авторы не отличают русские культурно-страноведческие реалии. В этом случае важно было бы указать на психически болезненное состояние Раскольникова, в котором он сам себе дает отчет, и его духовную одержимость, на что пронизательно указала Соня; «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!...» [Достоевский, 6: 321].

Добавим, что числовая символика, столь важная для романа «Преступление и наказание», исходит из библейской и фольклорной символики чисел. Число 3 в словосочетании «недели через три» — символ божественного совершенства. Согласно основному христианскому догмату, Бог един не только по своей сущности, но и в трех лицах (Святая Троица): Бог — Отец, Бог — Сын и Бог — Святой дух. Мы считаем, что замена

«недели через три» словосочетанием «từ đây tới mười lăm ngày trong ba tuần nữa» (отныне через 15 дней, через три недели) в переводе Ли Куок Шинь вызывает путаницу в восприятии.

«Воскресение Лазаря» — большой отрывок из Евангелия, который рассказывает об этом чуде, символизирующем в романе возможность нравственного возрождения Раскольникова. Сравнив три переводных текста с оригиналом, мы пришли к выводу, что самый удачный последний перевод («đoạn»), сделанный Као Суан Хао. В двух переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь «воскресение Лазаря» передается словосочетаниями «mục nói về Lazare» (параграф про Лазаря) и «chương về Lazarơ» (глава про Лазаря). Мы считаем эту замену не совсем удачной.

Время прихода Раскольникова к Соне — «одиннадцать часов» [Достоевский, 6: 242] — связано непосредственно с евангельским текстом. Час одиннадцатый появился в евангельской притче о небесном царстве, которую слушают в проповеди св. Иоанна Златоуста, читаемую во время пасхальной заутрени в православных церквях. Отнеся встречу Раскольникова с Соней к одиннадцати часам, Достоевский хочет напоминать, что Раскольникову еще не поздно сбросить с себя одержимость, еще не поздно в этот евангельский час признаться и раскаяться и стать из

последнего, пришедшего в одиннадцатом часу, первым.

Обратим внимание на часто повторяющееся число «четыре». Число 4 имеет основополагающее значение. Существует 4 времени года, четыре направления, четыре стадии человеческой жизни (рождение, старение, болезнь и смерть). В Откровении Иоанна Богослова есть 4 животных (гл. 4); 4 ангела, 4 угла земли, 4 ветра (гл. 7); 4 имени сатаны (гл. 12); 4 сотворенных богом предмета (гл. 14); 4 имени народа (гл. 17) и т. д. [Белов: 51-52]. Читая Евангелие о воскресении Лазаря, Соня энергично ударяет на слово «четыре». Достоевский не случайно два раза выделяет число «четыре» курсивом: чтение происходит через четыре дня после преступления Раскольникова, т.е. через четыре дня после его нравственной смерти. История о воскресении Лазаря помещена в четвертом же Евангелии. Лазарь, как и Раскольников, был мертв четыре дня.

Отметим, что в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао этот акцент не отмечен, графическое письмо Достоевского оказалось вне поля зрения переводчиков. Параллель между больным Раскольниковым и евангельским Лазарем, таким образом, серьезно ослаблена.

В переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь пропущена важная

евангельская деталь, а именно «*в последний день*». Вот этот важный фрагмент: Иисус говорит Марфе, сестре Лазаря: «воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь*; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек» [Достоевский, 6: 250]. В Сониной интерпретации особый смысл приобретают слова, которые она выделила голосом, а автор отметил курсивом, которого нет в Евангелии от Иоанна. Эти слова и именно она, и именно в это мгновение через авторитетное евангельское слово обратила к слушающему его Раскольникову. Эта сложная стилистическая «смена регистров» в переводах тоже не замечена, напряженность происходящего на глазах читателя диалога между «блудницей» и «разбойником» резко понижается.

В Библии выражение «*последний день*» не означает уничтожение земли и всего материального мира, так как это не совместимо с Божиим промыслом. Бог творил для того, чтобы все Его творение преобразилось. Здесь «*последний день*» — «конец человеческого греха, конец и уничтожение смерти, переход к жизни вечной, где уже не будет ни времени, ни смерти, ни нового рождения

человека.» [Мартынов]. Эта деталь крайне важна для Сони, основывающей на ней смысл своего многострадального существования.

На определенном уровне атмосфера чтения и восприятия Божественного Откровения сохраняется. При чтении переводов этого эпизода читатели могут испытать то, как воспринимает озвученное Соней евангельское слово Раскольников, то, что в тот момент он не может все понять, но услышанные слова западают в его душу. Благодаря вере героини, которая произносит эти животворящие слова, они становятся актуальными не только для нее, но и для Раскольникова. Именно искренность и теплота верующей в Бога Сони приводят Раскольникова к открытости и откровению, происходящему также и через чтение Евангелия о воскресении Лазаря. Христос не сразу приходит на помощь ни Лазарю, имя которого значит «Бог придет в помощь», ни Раскольникову и Соне, ибо Божий Промысел шире чем то, что представляется «слепым иудеям». Он требует от них глубоко выстраданного процесса самосознания и готовности быть инструментами возрождения.

Рассмотрим слова Сони: «-Да ведь я божьего промысла знать не могу... <...> И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [Достоевский, 6: 313]. В переводе Чьонг Динь Кы слово «промысел»

передается словом «ý muốn» (желание), а «божий» — китайско-вьетнамским словом «Thiên mệnh», которое обозначает божью расстановку или предначертанные законы природы. Ли Куок Шинь и Као Суан Хао переводят «Божий промысел» то как «í định của Thượng đế hiểu sinh linh thiêng» (замысел святого Всевышнего/ короля наверху, уважающего жизнь), то как «ý định của Chúa» (божий замысел). Промысел понимается в богословии как забота Творца о Своем творении, промыслительное вмешательство Бога в жизнь, когда в ней господствует нсразумнос начало, направление человека на «узкий путь», ведущий его в Царство Небесное. В переводах направляющее, деятельное вмешательство Бога в человеческую жизнь практически отсутствует. Корректнее было бы, на наш взгляд, использовать сочетание «quyền năng vô song của Chúa» (божья несравненная/ высшая сила), но и оно не передает всей глубины христианского понятия «Промысел Божий».

Анализ перевода «евангельского текста» «Преступления и наказания» на вьетнамский язык позволяет утверждать: 1) все переводчики сохранили «евангельский текст» практически в полном объеме, что свидетельствует о понимании ими важности этого текста как в замысле автора, так и в его исполнении. Им удалось подчеркнуть своеобразный

христианский «эстетизм» Достоевского, неотделимый от его православного воззрения, мало известного вьетнамскому читателю; 2) однако переводчики не всегда учитывали принципиальную разницу между авторским словом и евангельским, поэтому важнейшие темы падения, преображения, воскресения, входящие в роман, прежде всего, через новозаветное евангельское слово, порой звучат приглушенно, а иногда и вовсе нивелируются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. М.: Просвещение, 1985. 240 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: «Наука». 1972-1990. Т.6. Т.7. Л. «Наука», 1973. В дальнейшем ссылки даются на эти тома с указанием страницы. Т. 6. 423с. Т.7. 413с.
3. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Изд-во «Правда», 1987. 559 с.
4. Ермилова Г.Г. От Гоголя до Набокова: Статьи о русской литературе. Иваново: Иван.гос. ун-т", 2007. 256 с.
5. Захаров В.Н. Русская литература и христианство// Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1994. С. 5-11.
6. Мартынов А. В. Дорога к храму: Последний день. Конец времени. URL: <https://religion.wikireading.ru/108429> (дата обращения: 13.03.2020).
7. Новикова Е. Софийность русской прозы второй половины XIX века. Томск: изд-во Томского ун-та, 1999. 253 с.
8. Тихомиров Б. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление

и наказание” в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

References

1. Belov S.V. *Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»: kommentarii* [Roman F.M. Dostoevsky's Crime and Punishment: Commentary]. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 240 p.

2. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [full composition of writings: in 30 vols.]. Leningrad: “Nauka”, 1972-1990. T.6. T. 7. Leningrad: “Nauka”, 1973. V dal'neishemssylkidaiutsianaetot tom s ukazaniemstranitsy. T. 6. 423 p. T. 7. 413 p.

3. Dostoevskaja A.G. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow: Izd-vo «Pravda», 1987. 559 p.

4. Ermilova G.G. *Ot Gogolia do Nabokova: Stat'i o russkoi literature* [From Gogol to Nabokov: Articles on Russian literature]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t", 2007. 256 p.

5. Zaharov V.N. *Russkaja literatura i hristianstvo* [Russian literature and

Christianity]. *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII-XX vekov: Citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the XVIII-XX centuries: Quote, reminiscence, motive, plot, genre]. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo universiteta, 1994. P. 5-11.

6. Martynov A. V. *Doroga k khramu: Poslednii den'. Konets vremeni* [The road to the temple: The last day. The end of time]. URL: <https://religion.wikireading.ru/108429> (data obrashcheniia: 13.03.2020).

7. Novikova E. *Sofiinnost' russkoi prozy vtoroi poloviny KhIX veka* [The sophistry of Russian prose in the second half of the 19th century]. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1999. 253 p.

8. Tikhomirov B. *“Lazar'! Griadi von”: Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennomprochtenii* [“Lazarus! Come Out”: Roman F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment” in the modern reading]. *Kniga-kommentarii* [Comment Book]. St. Petersburg: Serebrianyivek, 2005, 472 p.